

Методологические основы трансформации социальных и политических институтов в рамках реальной политики

М.АЮПОВ

«Власть имеется там, где есть движение, изменение, действие (действительное или хотя бы возможное), поэтому власть всегда активна, а «носитель» всякой власти с необходимостью является деятелем»¹.

До программного выступления Д.А.Медведева во время президентской избирательной кампании понятием «социальные и политические институты» занимались исключительно научные теоретики. Для большинства практиков этот термин был слишком абстрактен, поскольку реальная политика требовала детального знания всех аспектов функционирования структур, в которых они работали либо с которыми взаимодействовали. Это заставляло проводить рельефные границы между органами исполнительной, законодательной и местной власти, общественными объединениями и политическими партиями. В реальной политике интересна их суть, возможности, статусные позиции, а не обобщенные дефиниции.

С приходом на пост Президента России выходца из среды высшей школы, мы ощутили, что существенные изменения были внесены в сам дискурс актуальных проблем. Подход к их пониманию стал теоретически обобщенным и вместе с тем более глобальным. Заострение внимания на роли и задачах социальных и политических институтов в целом своевременно и заставляет пристальнее присмотреться к тому, что в деятельности существующих институтов достаточно эффективно, а какие аспекты требуют своего видоизменения или существенной отладки.

Само по себе понятие «институт» может рассматриваться как совокупность субъектов, их статусов, формальных и неформальных взаимосвязей, норм поведения, определенного места в общей социально-политической системе страны, полномочий и подконтрольных ресурсов. К этому следует добавить понимание уровня ответственности за определенный вид деятельности и способности к адаптации, модернизации и управлению процессами. Анализ всех этих составляющих позволяет достоверно и аргументированно ответить на вопрос об адекватности или неспособности института решать стоящие перед ним задачи.

С чем мы столкнулись на современном этапе развития? Прежде всего, с качественно изменившимися условиями функционирования социальной и политической системы. До крушения СССР мы были уверены, что каждая система развивалась и будет развиваться как достаточно замкнутая среда, ориентированная на свои центры власти и социальные авторитеты. Политические институты создавались с учетом задач развития и управления процессами, которые были органичны для данного общества. Эти институты не были ориентированы на ведение конкурентной борьбы с другими аналогичными институтами, которые создавались и функционировали в другой системе. Было четкое разделение – в каждой системе свои институты. Поскольку конкурировали сами системы, то их составные части

Аюпов Мансур Анварович, д-р полит. наук, ректор Башкирской академии государственной службы и управления при Президенте Республики Башкортостан

¹ Кожев А. Понятие власти. – М., 2007. – С. 15–16.

воспринимались как внутренние механизмы, а не элементы внешнего взаимодействия. Это был удел специализированных ведомств – дипломатов, разведки, военных, некоторых экономических субъектов.

Сегодня в условиях глобализации ситуация принципиально изменилась. Рост экономических контактов, активизация межличностного, а значит межкультурного взаимодействия, прорыв в информационных технологиях, обрушивший на головы людей вал информации из самых разных уголков мира, обострение политического противостояния за ресурсы и позиции в мировой системе – все это привело к тому, что возникли условия, при которых институты оказались в открытой системе и вынуждены доказывать свою состоятельность в условиях, когда граждане сравнивают их деятельность не со вчерашним днем, а, благодаря телевидению, Интернету, газетам, личным впечатлениям от пребывания в других странах и регионах, сопоставляют деятельность органов власти, партий, общественных объединений с аналогичными структурами в других странах и регионах.

Институты потеряли свое монопольное положение. Это результат глобализационных процессов. Можно ли закрыться от них? Некоторые пытаются, но это неизбежно заканчивается для них исключением из мировой экономической, культурной, да и политической систем. Сама суть глобализации сводится к тому, что она неизбежно наступает. Тот, кто к этому не готов, – проигрывает. В выигрыше остается субъект, сумевший понять этот процесс, найти в нем свою сильную позицию и стремящийся направить это общемировое явление в направлении, которое для него выгодно и по возможности предусмотрительно подготовлено.

Наши институты необходимо адаптировать к мировым процессам. Только в этом случае они будут способны проводить реальную политику и смогут дать достойный ответ на любые попытки манипулировать социальными и политическими процессами извне. При таком понимании мы неизбежно вынуждены согласиться с тем, что тезис о необходимости серьезно пересмотреть принципы функционирования и взаимодействия институтов действительно чрезвычайно актуален.

Но внешнее воздействие глобализации – не единственный фактор, который вынуждает вносить коррективы в деятельность структур власти, управления и социальной организации. Стремительное накопление ресурсов в обществе, которое в условиях наличия частной собственности приводит к качественному изменению положения не только отдельных граждан, но и широких социальных слоев – неизбежно создает и новую внутреннюю среду. Если вчера человек был не в силах решать собственные проблемы без значительной поддержки со стороны государства, то сегодня все больше людей не просто высказывают пожелания самостоятельно решать свои проблемы, но что более важно, формируют для этого все необходимые условия. Можно ли отобрать у них эти возможности? Да, здесь нет ничего сложного. Но в качестве мощного разрушительного сопутствующего эффекта мы получим экономический коллапс со всеми вытекающими последствиями. В современной экономике именно самостоятельный субъект с высоким уровнем платежеспособного спроса, квалификации, мобильности является главным фактором экономического роста. Именно такой производитель способен быстро осваивать новые технологии и выпуск инновационной продукции. Он своими ресурсами стимулирует развитие всех сфер услуг и материального производства. Отними у него ресурсы, и все эти плюсы развития неизбежно станут минусами всей системы. Поэтому в динамично развивающихся современных системах пришли к выводу, что полезнее модифицировать институты, а не подгонять развитие общества под их возможности.

Внешние и внутренние факторы заставляют социальные и политические институты меняться. И если этот процесс в системе начался, то самое нестабильное состояние – параллельное функционирование адаптированных и устаревших институтов. Противоестественно пытаться сочетать внутри одной системы качественно разные составные элементы.

Объективно процесс трансформации институтов назрел. Означает ли это, что все существующее надо разрушать «до основания, а затем...»? Легко творить по уже пройденному сценарию. Создать небывалое новое гораздо труднее. Здесь легко ошибиться, выбрать неправильный путь, найти ложный образец для подражания. Необходимость отойти от простого воспроизводства традиции позволяет открыть нишу для создания придуманной реальности. Модернизация существовавших моделей реальной политики открывает перспективы для политтехнологических ухищрений. В итоге государство и общество рискуют получить не дееспособные институты, а их виртуальные образы. Так, у нас появляются партии, не имеющие реальной социальной базы, со списками своих сторонников, которые и не знают, что они причислены к категории партийных активистов. Отдельные журналисты наделяются функциями «гласа народа». На выборные должности избираются «свои парни», которые очень душевно рассказывают о светлом будущем и еще более эмоционально о «темном прошлом», но при этом могут не иметь даже минимальных навыков решения проблем государства и общества. Их интересуют преимущественно верхние этажи власти. Кропотливо работать на местах им некогда, не интересно и, по их мнению, не обязательно. В итоге завышенные радужные надежды оборачиваются всеобщим разочарованием и делегитимизацией всей политической системы.

Особую проблему создает взаимодействие граждан и формируемых ими институтов власти. Здесь очень важным является процесс становления нового политического человека в рамках формирования глобального общества, который видит свою страну конкурентно- или неконкурентоспособной на международной арене. Но глобальное информационное пространство позволяет реализовывать манипулятивные технологии, в результате чего он постепенно может стать продуктом PR-технологий и псевдодемократических трансформаций, поскольку планирование и создание новых ценностей для обществ неустоявшихся демократий есть самый доступный, легкий, но краткосрочный способ удержания или смены власти. Люди в этой ситуации не участвуют в реальном политическом процессе, не верят в реальную политику и поэтому легко становятся объектом современных системных технологий общественных изменений и смены власти, о чем свидетельствует волна «оранжевых революций», прокатившихся в ряде стран СНГ.

Создание ценностей и символов, основанных на фундаментальных запросах и традициях народа, формирование позитивных идей и идеалов, сплачивающих людей и мобилизующих их на деятельное участие во власти и политическом процессе, борьба за интеллектуальное и организационное превосходство в мире – вот главные направления властной деятельности, которые могут определять конкурентоспособность, стабильность и устойчивость современного суверенного государства, каким является Россия.

Сегодня политические процессы внутри страны, влияние глобальных изменений в мировой политике на демократизацию власти в центре и регионах вызывают бурные дискуссии. Ряд исследователей современного политического этапа развития российского социума и власти, особенно в его постелельцинский период, считают, что «политический процесс развивается в корне не правильно», отмечают, что в основе развития лежат не свойственные нашим традициям идеи, ценности и трансформационные технологии¹.

Как реакция на критику власти в отсутствии реальной политики и ощутимых достижений в демократизации страны появилась доктрина суверенной демократии, которая базируется на неотъемлемом праве свободного российского народа самостоятельно определять свою историческую судьбу, распоряжаться национальным достоянием, осуществлять развитие в интересах всей нации, а не в угоду отдельным олигархическим группам или силам внешнего влияния².

¹ Шайхутдинов Р. Охота на власть. – М., 2005.

² Программное заявление партии «Единая Россия» от 27 сентября 2006г.

Все это свидетельствует о том, что с началом XXI столетия в политическом процессе России появились новые вызовы и тенденции, обусловленные рядом новых факторов, требующих переосмысления таких фундаментальных понятий и явлений, как «политический процесс», «власть», «реальная политика», «суверенная демократия», взаимодействие центральных и региональных органов власти, региональный политический процесс и другие.

Сегодня очень важными становятся выделение, описание, изучение и осуществление реальной политики и одновременно с этим – применение политтехнологий в политическом процессе как вспомогательных инструментов решения этой задачи, установление их роли в политико-властных действиях и соотношения реальной политики и политтехнологии как необходимого условия (инструмента) политического процесса, протекающего в качестве реальной формы функционирования политической системы общества. Такая постановка вопроса для политолога очень важна, поскольку сетевое общество дает возможность коренным образом изменить соотношение реальной политики и политтехнологии в политическом процессе в пользу последней, тем самым успешно создавая иллюзию или лицо политики вместо того, «чтобы достичь объективности, то есть приобрести способность видеть мир, природу, других людей и самих себя такими, какими они есть, не искажая их нашими желаниями и страхами. Чем больше человек приближается к такой объективности, тем теснее становится его связь с действительностью, тем большей зрелости он достигает и тем лучше он может строить человеческий мир, служащий ему домом»¹.

Обращаясь в данном случае к аргументам философов, мы должны иметь в виду, что в условиях сетевого общества есть возможность не только воздействовать на разум человека, но и в большей степени на его рассудок, который является каналом не постижения мира как разум, а манипулирования миром политики при помощи мышления.

Итак, мы должны ответить на ряд вопросов, которые вытекают из противоречивой роли политтехнологий в освоении реального мира политики: Что такое реальный мир политики? Как его ощутить, «пощупать», когда каналы информирования общества монополизированы властью и бизнес-структурами? Нужна ли сегодня реальная политика для нормального функционирования общества? Что такое политтехнология? Может ли она полностью или частично заменить реальную политику? Если «да», каковы последствия этого явления? Если «нет», то каково соотношение реальных политических действий и создания иллюзорного мира политики, искаженного нашими желаниями и страхами и направляемого из единого центра политтехнологами-режиссерами.

Сценарий перехода к политике, которая ничего общего не имеет с коренными интересами общества и страны, достаточно прост и поэтому легко реализуем. Это заставляет с большой осторожностью относиться ко всем призывам «быстренько все поменять, трансформировать, модернизировать». «Потемкинскую деревню» создать не сложно, а сформировать жизнеспособный социум мы в состоянии только в течение жизни нескольких поколений.

Это и порождает главную проблему сегодняшней трансформации институтов. Наши партнеры – конкуренты на Западе и Востоке адаптируют свои элементы социального взаимодействия и государственного управления уже не одно десятилетие. Нам, чтобы стать конкурентоспособными, надо пройти этот путь быстрее. Можно ли повторить то, что они сделали, но несколько ускорив процессы? Скорее всего – нет. В каждом обществе, в каждом государстве свои особенности и свой набор факторов развития. Не существует всеобщих идеальных рецептов. Органична только собственная модель развития. А в условиях Российской Федерации, где, по мнению ученых, одновременно живут и взаимодействуют пять цивилизационных укладов, неизбежны и региональные различия.

¹ Фромм Э. Здоровое общество. – М., 2006. – С. 85.

Найти оптимальный путь развития без глубокого и всестороннего изучения сложившейся ситуации и общего контекста событий невозможно. При этом очень важно, чтобы такое осмысление процессов опиралось не на придуманный идеальный образ счастливого будущего, а происходило на базе детального изучения практики политического процесса. Стоит только начать подгонять анализ под заранее выбранный вариант развития событий, как мы неизбежно скатываемся либо на устаревшие модели функционирования институтов, либо начинаем подменять реальную политику «симулякрами» – красиво сделанными образами несуществующей реальности.

Формируя стратегию преобразований институтов, на наш взгляд, уместно обратиться к методологическим основам структурно-функционального и системного подходов. В этом случае мы обеспечиваем тесную корреляцию желаемых трансформаций с необходимыми и достаточными условиями взаимодействия данного института с другими элементами системы.

Прежде всего, важно определить место и роль данного института в системе. Отметить, какие изменения претерпевает как среда его деятельности, так и внутренние параметры функционирования. При этом важно понимать, что институт не является самоценностью. Его значимость определяется полезностью для эффективного развития всей системы.

После этого мы со значительной долей уверенности способны прогнозировать его позицию как при условии инерционного развития, так и в ситуации активизации управленческих решений с целью адаптации института к новым вызовам и задачам развития. Сделав такой предугадательный прогноз, мы в состоянии получить факторную модель, которая и может стать основой для стратегического планирования трансформационных процессов применительно к данному элементу системы. Сформировав такой план, необходимо изучить, как его реализация повлияет на функционирование всей системы.

В рамках такого алгоритма трансформации института мы в состоянии избежать появления виртуально-технологических институтов, которые оторваны от реальной политики и в большей степени реализуют узкие интересы небольшой группы реформаторов. Любой институт является порождением общества, взаимодействует с обществом и наполняет свои возможности за счет общества. А это предполагает, что и пользу он должен приносить всему обществу. Если баланс интересов нарушается, то система лишается возможности для расширенного воспроизводства, а значит, будет неизбежно угасать, стагнировать и стремиться к кризису.

Заявленные в рамках приоритетов федеральной политики подходы – развитие институтов, инфраструктуры, инноваций и инвестиций – нужны и своевременны. Но они не будут эффективно реализованы, если, с одной стороны, управленческие решения будут приниматься без достаточно глубокой проработки, в том числе и с использованием отечественного научного потенциала, гуманитарная составляющая которого за последние 20 лет сделала большой методологический скачок в сторону реального понимания политических и социально-экономических процессов, происходящих в нашем обществе. С другой стороны, научное сообщество должно не замыкаться в своих абстрактных рассуждениях, а активнее взаимодействовать с практиками, учиться у них пониманию объективно происходящих процессов. Поэтому и диалог, а я считаю, что на страницах журнала мы открываем именно диалог, а не спор или теоретизированную дискуссию, по столь злободневным и актуальным проблемам должен привести нас к пониманию того, как технологично, системно, с учетом всех объективно присутствующих в политическом и социальном развитии факторов обеспечить трансформационный переход на качественно новый уровень развития нашей государственной системы, сохранив свою самобытность, не отступив от национальных интересов, минимизировав определенные неизбежные издержки переходного состояния.